

Кошелева Елизавета Александровна

магистрант

Лапина Ирина Владимировна

канд. филос. наук, доцент

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный

экономический университет (РИНХ)»

г. Таганрог, Ростовская область

DOI 10.31483/r-153722

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Аннотация: авторы статьи отмечают, что в настоящее время наблюдается стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и их интеграция в повседневную жизнь. Существенным является то, что приложения ИИ охватывают уже все сферы жизнедеятельности современного человека (от систем раннего предупреждения и цифровых платформ для ведения переговоров до инструментов анализа контекста и моделирования совещаний). Авторы выявляют закономерность, и она заключается в том, что инструменты ИИ также позволяют осуществлять детальное географическое и временное прогнозирование в регионах, которые ранее не были охвачены традиционными методами мониторинга. Важным также является то, что взаимодействие между анализом, основанным на искусственном интеллекте, и человеческим суждением позволяет генерировать «рефлексивные знания», которые могут адаптироваться к меняющейся природе конфликтов. Также авторы делают выводы по проведенному исследованию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, прогнозирование последствий конфликтов, гибридный миротворческий интеллект, комплексная безопасность.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) изменило многие отрасли, и урегулирование конфликтов не является исключением.

Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную жизнь открыла новые способы оценки общественного мнения, прогнозирования последствий конфликтов и позволила повысить эффективность медиации.

Приложения ИИ охватывают все сферы – от систем раннего предупреждения и цифровых платформ для ведения переговоров до инструментов анализа контекста и моделирования совещаний, – и все это меняет динамику современных процессов урегулирования конфликтов и установления мира. Помимо повышения эффективности, эти инструменты могут углубить взаимодействие с заинтересованными сторонами и дать основанное на данных понимание основных проблем, тем самым способствуя более адаптивным стратегиям миростроительства.

Наряду с этими достижениями ИИ создает значительные проблемы, особенно в операционном, этическом и политическом аспектах. На операционном уровне системы ИИ рискуют усилить исторические предубеждения, усугубить существующий дисбаланс сил и затруднить справедливое распределение технологических выгод. С этической точки зрения такие проблемы, как предвзятость алгоритмов, непрозрачность процессов принятия решений и потенциальное неправомерное использование контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, подчеркивают необходимость создания надежных механизмов надзора и всеобъемлющих систем управления. Это находит отражение в различных политических сферах, где внедрение искусственного интеллекта в урегулирование конфликтов и миростроительство вызывает беспокойство по поводу суверенитета. Кроме того, усугубляется неравным доступом к технологическим ресурсам и использованием инструментов искусственного интеллекта могущественными субъектами для продвижения своих собственных интересов, что подрывает доверие и включенность в мирные процессы.

Под миростроительством понимаются всеобъемлющие, долгосрочные усилия по предотвращению возникновения или повторения насильственных конфликтов путем укрепления национального и местного потенциала в области управления конфликтами и их разрешения. Она направлена на создание условий для прочного мира и развития путем решения ключевых вопросов, влияющих на

функционирование общества и государства [1]. Разрешение конфликта – это процесс устранения коренных причин конфликта и достижения взаимоприемлемых решений посредством диалога, переговоров или посредничества с целью прекращения насилия и создания основы для устойчивого мира. Переговоры и посредничество тесно взаимосвязаны, в то время как в переговорах участвуют непосредственно стороны, посредничество привлекает нейтральную третью сторону для поддержки диалога.

Заметим, что термин «миростроительство» используется как всеобъемлющая структура, которая включает в себя разрешение конфликтов, но не ограничивается ими. Хотя разрешение конфликтов обычно относится к формальным переговорам, посредничеству или урегулированию споров, миростроительство также включает в себя долгосрочные усилия по устранению структурной несправедливости, содействию вовлечению и укреплению гражданского доверия. Основные принципы справедливого и прочного мира включают устранение коренных причин насильственных конфликтов, развитие местного потенциала, справедливое и осознанное вовлечение, подотчетность и прозрачность, а также солидарность и социальную справедливость [2].

Также набирает обороты то, что некоторые называют «гибридным миротворческим интеллектом» – сотрудничество между человеческими суждениями и вычислительными мощностями ИИ [3]. Инструменты, управляемые ИИ, могут выявлять позиции заинтересованных сторон, прогнозировать пути ведения переговоров и даже предлагать изменения стратегии. Должным образом разработанные такие гибридные модели могут помочь расширить участие и повысить прозрачность мирных процессов, повышая вероятность того, что недостаточно представленные мнения и точки зрения могут быть более эффективно учтены. При этом качество мира тесно связано со степенью инклюзивности и прозрачности при его создании ИИ. В свою очередь ИИ может работать в рамках более широкой экосистемы технологий, которые несут в себе неотъемлемые риски, включая слежку, искажение данных и исключение маргинализированных мнений. Эти инструменты могут укрепить власть так же легко, как и бросить ей вызов.

Такая двойственная природа ИИ подчеркивает настоятельную необходимость внедрения надежных систем управления и этических норм. В контексте урегулирования конфликтов и миростроительства, при недостаточном надзоре, ИИ обладает потенциалом не только усугублять существующее неравенство, но и порождать новые формы отчуждения и уязвимости, тем самым ослабляя доверие, легитимность и инклюзивность мирных процессов. Для решения этих проблем требуется нечто большее, чем технические решения; это требует систем управления и подотчетности, основанных на международных принципах защиты прав человека, таких как неприкосновенность частной жизни, справедливость и надлежащая правовая процедура [4].

В отсутствие общих норм государства и учреждения быстро разрабатывают технические руководящие принципы, часто таким образом, чтобы они отражали стратегические взаимосвязи, оценки или геополитические приоритеты, а не обсуждение на основе широкого участия или соблюдения прав человека. Эта динамика в значительной степени определяется растущим влиянием частных субъектов, которые контролируют основные инфраструктуры искусственного интеллекта и обучающие данные.

Таким образом, для того чтобы ИИ стал ответственным и эффективным инструментом в миростроительстве, его внедрение должно основываться на различных системах знаний и учитывать уникальные культурные, исторические и политические реалии каждого конфликта. Такая деликатность имеет решающее значение для предотвращения навязывания универсальных рамок, которые могут быть нарушены, продуктивным или вредным в применении к сложным местным реалиям.

Следует также исследовать как потенциал, так и риски использования ИИ в разрешении конфликтов. Они рассматривают, как прогностическая аналитика, которую можно использовать при прогнозировании конфликтов, как широко используются языковые модели для ведения переговоров и почему важны этические рамки и международная координация. Разумное использование ИИ может сделать миростроительство более эффективным и инклюзивным. Но при этом оно должно основываться на таких важных ценностях, как прозрачность,

способность отчитываться, сочувствие и справедливость. Сообщество медиаторов и специалистов по разрешению конфликтов в настоящее время сталкивается с проблемой интеграции искусственного интеллекта так, чтобы усилить человеческий фактор, задействованный в данном процессе.

Надо заметить, что прежде, чем перейти к вопросу, как искусственный интеллект должен внедряться в практику миростроительства, необходимо установить стандарты, в соответствии с которыми следует оценивать его вклад. Вопрос не только в том, может ли искусственный интеллект ускорить диалог, расширить доступ или улучшить прогнозирование, но и в том, способствуют ли эти инновации установлению прочного мира.

В науке и на практике долгое время считалось, что прочный мир основывается на принципах всеобщего участия, подотчетности, справедливости и прозрачности. Это не абстрактные стремления. Они являются основанными на десятилетиях сравнительных данных о результатах мирного процесса, кодифицированными в международных документах и подкрепленными практическим опытом, который показывает, что мир длится долго, когда он широко известен, социально легитимен и опирается на устойчивые институты, и, наоборот, что исключительные или непрозрачные процессы, как правило, приводят к краху или оставляют нерешенными проблемы.

Поэтому, прежде чем оценивать применение технологий, важно уточнить, что ИИ следует оценивать с помощью тех же критериев, которыми руководствовались в миростроительстве в более широком смысле. Эффективность, скорость или новизна не могут быть единственными критериями успеха. Важным критерием является то, соответствуют ли процессы с поддержкой искусственного интеллекта стандартам, которые, как показывают факты, обеспечивают прочный, законный и справедливый мир, или превосходят их.

Так, например, ООН последовательно подтверждает, что достижение мира не может быть сведено только к прекращению вооруженного насилия. В Повестке дня для мира 1992 года [5] подчеркивалось, что прочный мир зависит от подотчетности, участия, справедливости и устойчивости институтов. Программа

«Женщины, мир и безопасность» (WPS), начатая с Резолюции 2000 [6] Совета Безопасности ООН и подкрепленная последующими резолюциями, расширила эту основу и установила, что полноценное участие женщин в миростроительстве является, как вопросом прав, так и определяющим фактором эффективности. В соответствии с этим мандатом Руководство ООН по эффективному посредничеству (2012) расширило сферу охвата субъектов гражданского общества, перемещенных лиц, меньшинств, общин коренных народов, ассоциаций жертв и включило системы множественных знаний в процесс принятия решений [7]. В связи с чем руководство по гендерным стратегиям и инклюзивным стратегиям посредничества (2000) воплощает эти принципы в практическую деятельность [8].

В «Новой программе генерального секретаря по обеспечению мира на период до 2023 года» [9] и «Пакте о будущем» [10] прочный мир рассматривается как неотъемлемая часть инклюзивного управления, правосудия и подотчетности, основанной на соблюдении прав человека. Другие недавние обязательства, такие как Глобальный цифровой договор и Декларация о будущих поколениях [11], расширяют эти принципы и включают цифровое сотрудничество в повестку дня в области мира и безопасности. В рамках Повестки дня на период до 2030 года ЦУР [12] претворяет эти обязательства в жизнь, призывая к созданию инклюзивного общества, равному доступу к правосудию и эффективному подотчетные и прозрачные институты [12]. Для данного документа эти стандарты важны, поскольку они также определяют критерии, которым должны соответствовать инструменты с поддержкой искусственного интеллекта, если они хотят способствовать достижению долгосрочных и законных результатов.

Бесспорно, что мирные процессы устойчивы, когда они обеспечивают легитимность для всех основных участников, институционализируют меры по укреплению доверия или разделению власти, а также устраняют коренные причины и коллективную травму. Соглашения, которые отрицали легитимность, оттесняли на второй план низовых участников или игнорировали исторические обиды, как правило, распадались, в то время как те, которые сочетали широкое участие с конкретным укреплением доверия, оказывались более устойчивыми [13]. В

исследуемой проблематике есть нюансы и их много. Так, например, если в наборах обучающих данных, разработанных с помощью ИИ, недостаточно представлены маргинализированные группы или преобладают доминирующие точки зрения, или если алгоритмы оптимизированы для достижения консенсуса без учета исключений, то результатом может стать институционализация сопротивления путем подтверждения тех же асимметрий, которые разжигают конфликт вместо того, чтобы смягчать его.

ООН рассматривает искусственный интеллект в рамках концепции, ориентированной на права человека и развитие, и определила условия, при которых ИИ может поддерживать мир. Резолюция Генеральной Ассамблеи (A/78/L.49 2024) признает потенциал «безопасного и заслуживающего доверия» ИИ для достижения всех целей устойчивого развития, укрепления мира, сокращения цифрового разрыва и защиты прав человека, в то же время призывая государства и заинтересованные стороны воздерживаться от использования, которое не соответствует международным стандартам в области прав человека законодательство о правах человека и отстаивать права на протяжении всего жизненного цикла ИИ [14].

В ходе обсуждений в Совете Безопасности (S/PV.9381) в 2023 году искусственный интеллект был охарактеризован как обоюдоострый потенциал, который может улучшить мониторинг, раннее предупреждение и миротворческие операции, но также угрожает миру из-за дезинформации, слежки, автономии в вооружениях и предвзятости. Делегации неоднократно призывали к прозрачности, человеческому надзору, подотчетности и инклюзивному управлению, при котором развивающиеся страны имеют равное право голоса [15]. Обсуждения в Первом комитете в 2024 году (A/C.1/79/L.43) расширяют этот подход к обеспечению безопасности, уделяя особое внимание защите прав человека и эффективным, подотчетным, надежным и заслуживающим доверия подходам к ИИ, имеющим последствия для международного мира и безопасности [16]. При этом рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта предусматривают связанные с этикой ожидания, такие как прозрачность, подотчетность и

человеческий надзор, которые дополняют, а не подменяют обязательства, основанные на правах человека [17].

Государства должны уважать, защищать и соблюдать права при разработке, закупках и внедрении ИИ, и чтобы частные компании несли ответственность в соответствии с Руководящими принципами ООН, включая приверженность политике, должную осмотрительность, предотвращение/смягчение последствий, постоянный анализ и средства правовой защиты [18].

Так, системный подход в обеспечении комплексной безопасности должен учитывать, что взятые вместе эти инициативы важны по двум причинам. Во-первых, они подтверждают, что прозрачность и подотчетность являются не факультативными функциями, а широко признанными стандартами в миростроительстве. Во-вторых, они показывают, что вопрос не в том, следует ли использовать ИИ, а в том, при каких условиях и с какими гарантиями. Учитывая эти критерии, важно чтобы текущее применение искусственного интеллекта в разрешении конфликтов и обеспечение комплексной безопасности, демонстрировало, как инструменты прогнозирования, посредничества и моделирования применяются на практике и что поставлено на карту для обеспечения качества мира.

Примером могут послужить системы раннего предупреждения (РЭБ), которые собирают и анализируют социальные, экономические и политические данные, и в они современности быстро развиваются, позволяя прогнозировать потенциальное насилие на несколько лет вперед. Эти системы предназначены не только для оповещения, но и для руководства превентивными дипломатическими и гуманитарными действиями, позволяя лицам, принимающим решения, и посредникам действовать более своевременно. Обработывая обширные массивы данных почти в режиме реального времени из таких источников, как социальные сети, новостные сообщения и правительственные данные, (РЭБ) на базе искусственного интеллекта могут распознавать едва заметные сигналы и закономерности, указывающие на социальную фрагментацию или растущую напряженность, которые в противном случае могли бы остаться незамеченными. При этом эти прогнозы носят вероятностный характер и основаны на ряде структурных и

динамических показателей, включая политическую изоляцию, тенденции к насилию в прошлом и социально-экономические условия, а не на предположениях, связанных с конкретным сценарием (например, смена режима).

Эти инструменты и инновации отражают переход к гибридным интеллектуальным системам, которые сочетают в себе контроль над зрением человека и машинную аналитику. В настоящее время эти системы признают, что сильные стороны ИИ заключаются в обработке больших массивов данных и выявлении закономерностей, в то время как посредники-люди обеспечивают основные культурные, контекстуальные и этические аспекты, необходимые для принятия взвешенных решений. Взаимодействие между анализом, основанным на искусственном интеллекте, и человеческим суждением позволяет генерировать «рефлексивные знания», которые могут адаптироваться к меняющейся природе конфликтов.

Например, благодаря постоянному обновлению аналитических данных, основанных на данных в режиме реального времени, гибридные системы помогают сохранять ситуационную осведомленность даже в условиях затяжных или быстро меняющихся конфликтов. Что еще более важно, то, как интерпретируются эти знания, также зависит от того, кто вовлечен в процесс, а также от перспектив и контекста, которые они привносят. Важно отметить, что такой совместный подход также снижает риск чрезмерной зависимости от результатов работы машин, обеспечивая, чтобы люди оставались «в курсе событий», адаптируя и интерпретируя информацию, полученную с помощью искусственного интеллекта, в соответствии с культурными запросами и в соответствии с контекстом.

Нынешнюю роль ИИ в разрешении конфликтов лучше всего понимать как партнерство, которое расширяет возможности посредников-людей. Суть медиации по-прежнему связана с отношениями и политикой, требует интерпретации, укрепления доверия и внимания к асимметрии.

В качестве одного из участников дискуссии в Гарвардском университете на саммите по переговорам об искусственном интеллекте 2024 года было отмечено, что, хотя ведущие переговорщики могут мириться с предвзятостью ИИ, это не может быть безопасным предположением для всех пользователей, что усиливает

необходимость экспертного контроля со стороны человека [19]. Однако взаимодействие человека и машины не является статичным. Поскольку технологии искусственного интеллекта быстро развиваются, можно ожидать, что в будущих системах могут появиться возможности, более схожие с человеческими, такие как понимание контекста и распознавание нюансов. Эта эволюция также представляет интересную возможность разработки систем искусственного интеллекта для мониторинга процесса принятия решений человеком, чтобы выявлять потенциальные предубеждения, которые могут непреднамеренно возникнуть в нашем собственном контексте. Хотя человеческая точка зрения бесценна, она также может быть источником врожденной предвзятости; искусственный интеллект, который служит объективной проверкой, мог бы улучшить это симбиотическое партнерство.

В качестве примеров можно привести следующее: в феврале 2025 года Министерство иностранных дел Южной Кореи создало «Подразделение дипломатии ИИ» для изучения влияния ИИ на глобальные вопросы, включая безопасность и экономический рост [20]. Такие компании, как Microsoft, Google, Meta и Amazon, разработали инструменты искусственного интеллекта, которые могут быть использованы для разрешения конфликтов. Jigsaw от Google и экспериментальный Habermas от DeepMind Machine призваны поддерживать обдумывание и бороться с вредными высказываниями. В рамках инициативы Microsoft «Искусственный интеллект во благо» в партнерстве с ООН была оказана поддержка инструментам реагирования на стихийные бедствия и картографирования гуманитарной ситуации [21].

Резюмируя, можно сказать, что в современности к ИИ неоднозначное отношение. С одной стороны страны увеличивают инвестиции в исследования в области искусственного интеллекта, но их роль сильно различается – от регулирования до определения приоритетных военных применений. С другой стороны, в некоторых случаях внедрение ИИ может быть обусловлено скорее модернизацией, чем потребностями в разрешении конфликтов, включая применение в операциях по наблюдению и прогнозированию, где может отсутствовать достаточный гражданский надзор. Важно также, понимать, что должен делать инструмент ИИ, чего он не должен делать и как следует измерять его влияние. Тем не менее,

они часто вводятся в эксплуатацию только после развертывания, чтобы уменьшить ущерб или устранить обратную реакцию. Кроме того, искусственный интеллект предоставляет значительные возможности для усиления мер по предотвращению конфликтов, улучшения работы средств массовой информации, а также оперативности в мирных процессах. Эти возможности возникают не только благодаря техническому потенциалу ИИ, что позволяет обрабатывать крупномасштабные данные, а также и расширять возможности человеческого суждения, развивать механизмы участия и поддерживать этичные вмешательства, основанные на данных, в сложных условиях. Системы раннего предупреждения на базе искусственного интеллекта анализируют обширные, разнородные массивы данных, включая информацию из социальных сетей, экономические показатели, исторические тенденции конфликтов и спутниковые снимки, для выявления слабых сигналов, которые могут предшествовать насильственному конфликту или политической нестабильности [22].

Искусственный интеллект также позволяет осуществлять детальное географическое и временное прогнозирование в регионах, которые ранее не были охвачены традиционными методами мониторинга. Предсказательная способность этих систем зависит не только от качества данных, но и от контекста интерпретации, особенно в отношении того, кого предупреждают, о чем и с какими последствиями. Эти решения могут отражать институциональные или геополитические приоритеты, а не местные потребности, создавая потенциальную напряженность между оценками рисков на наднациональном уровне и реалиями на уровне сообщества.

Таким образом, более глубокий конфликт заключается не только в географии или масштабах, но и в асимметрии доступа к данным, технологических возможностях и эпистемологической авторитетности. Хотя информационные пробелы всегда были характерной чертой международных отношений, искусственный интеллект позволит уменьшить это несоответствие. Это позволяет технологически продвинутым субъектам обрабатывать данные в беспрецедентных масштабах, уменьшая информационный разрыв. При тщательной разработке и внедрении инструменты ИИ могут расширить охват усилий по обеспечению комплексной

безопасности и повысить оперативность реагирования. Самый важный вывод, который мы можем сделать, проведя это исследование, то, что мирные процессы требуют большего, чем просто оптимизации, они требуют участия человека, его проницательности и заботы. Если ИИ хочет поддерживать мир, он должен оставаться на службе этим принципам, а не подменять их.

References

1. Terminology // United Nations Peacekeeping [Electronic resource]. – Access mode: <https://peacekeeping.un.org/en/terminology> (date of application: 02.02.2026).
2. Report on the Future of International Cooperation for 2023: Building a common future: innovative management methods for solving global and regional problems // The Stimson Center. – 2023. – P. 85 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.jstor.org/stable/resrep53183> (date of application: 02.02.2026).
3. Hirblinger A.T. When Mediators Need Machines (and Vice Versa): Towards a Research Agenda on Hybrid Peacemaking Intelligence / A.T. Hirblinger // International Negotiation. – 2022. – Vol. 28. №1. – P. 94–125. <https://doi.org/10.1163/15718069-bja10050>. EDN: IBHXSM
4. Pauwels E. Artificial Intelligence and Data Capture Technologies in Violence and Conflict Prevention: Opportunities and Challenges for the International Community / E. Pauwels // Global Center on Cooperative Security. – 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.jstor.org/stable/resrep27551> (date of application: 02.02.2026).
5. Guidance for Effective Mediation // UN Mediation Support Unit. – 2012 [Electronic resource]. – Access mode: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2022/08/guidanceeffectivemediationundpa2012english0.pdf> (date of application: 02.02.2026).
6. Guidance on Gender and Inclusive Mediation Strategies // UN Department of Political Affairs (DPA). – 2017 [Electronic resource]. – Access mode: http://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/1.%20English%20-GIMS_0.pdf (date of application: 02.02.2026).

7. An Agenda for Peace. Preventive Diplomacy and Peacekeeping: report of the Secretary-General pursuant to the statement adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 21 January 1992: A/47/277 // United Nations Executive Office of the Secretary-General (EOSG). – 1992 [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.un.org/en/A/47/27> (date of application: 02.02.2026).

8. Security Council Resolution // UN Security Council. – 2000 [Electronic resource]. – Access mode: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n00/720/18/pdf/n0072018.pdf> (date of application: 02.02.2026).

9. A New Agenda for Peace: Our Common Agenda Policy Brief 9 // United Nations Executive Office of the Secretary-General (EOSG). – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/08/our-common-agenda-policy-brief-new-agenda-peace-en.pdf> (date of application: 02.02.2026).

10. The Pact for the Future: UNGA Resolution A/RES/79/1 // 79th Session of the UNGA. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.un.org/en/A/RES/79/1> (date of application: 02.02.2026).

11. Pact for the Future, Global Digital Compact, and Declaration on Future Generations: Summit of the Future Outcome Documents. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sotf-pact_for_the_future_adopted.pdf (date of application: 02.02.2026).

12. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development: UNGA Resolution A/RES/70/1. – 2015 [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.un.org/en/A/RES/70/1> (date of application: 02.02.2026).

13. Why It Worked: A research-based model for conflict transformation / M. Giannone, J. Palmiano Federer, E. Kogutt [et al.] // Negotiation Journal. – 2025. – Vol. 41. Special Issue [Electronic resource]. – Access mode: <https://direct.mit.edu/ngtn/pages/ngtnv41s> (date of application: 02.02.2026).

14. Seizing the Opportunities of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence Systems for Sustainable Development: UNGA Resolution A/78/L.49. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/065/92/pdf/n2406592.pdf> (date of application: 02.02.2026).

15. Maintenance of Peace and Security – artificial intelligence: Opportunities and risks for international peace and security: UN Security Council S/PV.9381, 9381st meeting, New York [Electronic resource]. – Access mode: <https://digitallibrary.un.org/record/4016424?v=pdf> (date of application: 02.02.2026).

16. Artificial intelligence in the military domain and its implications for international peace and security: UNGA A/C.1/79/L.43 // Seventy-ninth session. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/299/16/pdf/n2429916.pdf> (date of application: 02.02.2026).

17. Recommendation on the ethics of artificial intelligence // UNESCO. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://digitallibrary.un.org/record/4062376> (date of application: 02.02.2026).

18. Report on Artificial Intelligence technologies and implications for freedom of expression and the information environment: A/73/348 // Special Rapporteur on freedom of opinion and expression. – 2018 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ohchr.org/en/calls-for-input/report-artificial-intelligence-technologies-and-implications-freedom-expression-and> (date of application: 02.02.2026).

19. PON AI Summit: AI in the Field // Harvard Law School Program on Negotiation. – 2025 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.pon.harvard.edu/teaching-materials-publications/program-on-negotiation-ai-summit> (date of application: 02.02.2026).

20. Ministry of Foreign Affairs Launches AI Diplomacy Division // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. – 2025 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.korea.net/Government/Briefing-Room/Press-Releases/view?articleId=322749&type=N&insttCode=A260104> (date of application: 02.02.2026).

21. Oakes V. How a People-First Approach to AI and Technology Can Help Empower Humanitarian Action / V. Oakes // Microsoft Industry Blogs – United Kingdom. – 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.microsoft.com/en-gb/industry/blog/cross-industry/2020/11/19/ai-for-humanitarian-action> (date of application: 02.02.2026).

22. Artificial Intelligence (AI) Deployments in Africa: Benefits, Challenges and Policy Dimensions / A. Gwagwa, E. Kraemer-Mbula, N. Rizk [et al.] // The African Journal of Information and Communication (AJIC). – 2020. – Vol. 26. <https://doi.org/10.23962/10539/30361>. EDN: KBHABA